

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава третья

ДРАНГ
НАХ ОСТЕН

Лучший город земли
Запорожье

«Зюддойче Цайтунг», излагая мою биографию в те дни, когда я оказался в эмиграции, немного ошиблась. Мы на Украину в 1941 году бежали не от немцев, а от своих. Если можно было назвать «своими» энкавэдэшников. После того, как отец мой, освобожденный из лагеря и даже реабилитированный, отказался вернуться в партию, над ним снова нависла угроза ареста.

Сначала, если проследить наш маршрут по карте, мы пересекли страну снизу вверх, от Ленинабада до Вологды. Там оставили бабушку у мамино брата Володи и спустились вниз, в Запорожье. Там жила папина сестра (на год его старше) Анна Павловна с мужем Константином Матвеевичем Шкляревским и двумя сыновьями Севой и Витей.

Не могу сказать уверенно, но думаю, что это было в середине июня: купальный сезон на Днепре был открыт.

Окраины Запорожья (до революции Александровска) были утыканы домами, мартенами, заводскими трубами, которые круглые сутки коптели небо. Как-то, уже в 60-х, в ясный солнечный день мне пришлось лететь над Запорожьем на самолете, и внизу открылось завораживающее зрелище. Половина города была затянута клубящимися, бурлящими, черными, малиновыми, пурпурными, изумрудными облаками, невероятно красивыми, но такими зловещими, что трудно было представить, как может существовать под ними хоть какая-то жизнь.

В то время, когда мы туда приехали, город включал в себя старую основную часть, прилегающую к ней село Вознесенку и пятнадцать рабочих поселков. Четырнадцать состояли из мелких домишек и бараков, но Шестой поселок, в котором жили наши родственники, смотрелся как отдельный и вполне образцовый город XX века: широкие улицы, асфальт, дома в четыре, пять и шесть этажей. Таких я еще не видел: в Ленинабаде, ввиду частых землетрясений, дома строились не выше двух этажей. Впрочем, я много чего не видел. Не видел трамваев, троллейбусов и отдельных квартир, подобных той, в которой жила семья тети Ани. Мне шел уже девятый год, а я не представлял себе, что можно нажать кнопку – и будет свет, что откроешь кран – и потечет горячая вода, что повернешь рукоятку деревянного ящика – и зазвучит из него человеческая речь или музыка.

Я сразу влюбился в Запорожье, вернее в Шестой поселок, и долго не мог себе представить, что где-то может быть город лучше этого. Десять лет спустя я служил в армии с ленинградцами и, когда слышал от них похвалы их городу, говорил, что Запорожье не хуже. Они на меня не обижались: такое сравнение казалось им слишком смешным.

Игры в войну
и война

В Запорожье было еще нечто, чего я не видел в Ленинабаде: там взрослые все время играли в войну. Чуть ли не каждую ночь были сирены, че-

ГЕНАДИЙ НОВОЖИЛОВ

рез громкоговорители объявлялась учебная тревога, люди гасили свет (кто не гасил, того штрафовали) и дружно бежали в бомбоубежища с подушками и одеялами. Не знаю, что их заставляло это делать. Вряд ли гражданская сознательность: многие чертыхались, считая эти тревоги глупой игрой, но бежали.

22 июня мы поехали купаться на остров Хортица. Было жарко, меня заели комары. Я стал хныкать, взрослым это надоело. Мы вернулись домой и там застали бабушку всю в слезах. Что такое?

– Война! – ответила бабушка и снова заплакала. Заплакали и тетя Аня, и дядя Костя. Я не понимал почему: ведь война (я видел ее в кино) такая хорошая вещь! Музыка играет, барабаны бьют, крас-

не такая уж веселая штука. Я прижался к отцу и сказал:

– Папа, не уходи. Не надо. Я не хочу больше жить без тебя.

Я уткнулся лбом в пряжку его ремня и заплакал.

Хуторяне

С семьей тети Ани я прожил в Запорожье до августа. Бомбили нас каждую ночь. Мы еще были там, когда через город пошли отступающие войска – бесконечная колонна грузовиков с сидящими в кузовах мрачными красноармейцами. Армия отступала волнами: еще два или три дня мы прожили в Запорожье, значит, какая-то власть в нем еще оставалась и кто-то руководил эвакуацией. Перед самым приходом немцев

пышные паляницы, и просто пышки, и калачи, и кренделя, и варила лапшу, клецки, галушки и затирухи, и все это было очень вкусно.

Левое и правое

В сентябре я пошел в школу во второй класс. Школа находилась в семи километрах от нас на хуторе Юго-Западный, который был для нас как бы столицей: там и школа, и почта, и правление колхоза, а у нас, на хуторе Северо-Восточном, – ничего. Добирались мы туда на волах, которыми управляли переростки Тарас и Дмитро.

Мы так ездили несколько дней, пока волы не взбунтовались.

Вообще волы (кастрированные быки) безропотно исполняют свои обязанности, но и от человека требуют соблюдения неких правил. Одно из правил – какой вол с какой стороны стоит. Вол по имени Цоб должен стоять всегда справа. А вол Цобэ – слева. Чтобы не было путаницы, волам других имен не дают. Всегда только Цоб и Цобэ. И, когда надевают на них ярмо, Цоба ставят справа, а Цобэ слева. И никак иначе. Поставленные правильно, волы свое дело знают. Стукнешь правого по спине хворостинкой, скажешь ему: «Цоб!», он толкнет Цобэ, и вся упряжка повернет влево. Стукнешь левого, скажешь: «Цобэ!», он толкнет идущего рядом Цоба, и совершится поворот вправо. Ни в коем случае нельзя ставить в ярмо двух Цобов или двух Цобэ, а Цоба и Цобэ надо всегда ставить правильно. Но однажды Тарас и Дмитро решили провести эксперимент и переставили Цоба с Цобэ местами.

Уже когда мы сажались в двуколку, было видно, что волы проявляют какую-то нервозность. Смотрят друг на друга, перебирают ногами, мотают рогами, дрожат. Ну, сначала как-то двинулись, и вроде бы ничего. Доехали до угла школы, а там как раз поворот направо. Тарас стукнул хворостинкой левого вола и говорит: «Цобэ!» А тот ничего не понимает, потому что он ведь не Цобэ, а Цоб. Но раз его стукнули, пытается толкнуть того, кто стоит от него слева, а слева от него как раз никого.

Тем временем Цобэ, услышав свое имя, пытается толкнуть стоящего справа... но справа опять-таки никого. Потянули они друг друга туда-

сюда, поворота не получилось. Дмитро у Тараса хворостину выхватил, ты, Тарас, неправильно, говорит, управляешь: раз уж запрягли наоборот, значит, наоборот надо и говорить. Хочешь повернуть направо – говори: «Цоб!», хочешь налево – кричи «Цобэ!». Стукнул он опять Цоба по спине и говорит ему «Цоб!», считая, что тот теперь вправо будет толкаться. Цоб направо не идет и опять толкает влево того, кого слева нет. А Цобэ хотя и упирается, но сопротивления оказать не может: он привык, чтобы его толкали, а не тянули. В результате двуколка наша поворачивает не направо, а как раз налево, как и полагается при команде «Цоб!», но при этом делает оборот градусов на 360 с лишним. «От дурака! – рассердился Тарас. – Совсем скотину запутал! Дывься як треба!» Стукнул он палкой Цобэ и сказал: «Цобэ!» Цобэ сначала подчинился, пошел вправо, а там никого, тогда нажал на Цоба, опять стали крутить налево. А направо – хоть так, хоть так – не идут.

Дмитро соскочил с двуколки, уперся в шею Цоба двумя руками. «Цобэ!» – говорит ему и маму-корову его поминает. А Цоб свое дело знает и имя. И знает, что не для того поставлен, чтобы толкаться вправо, а для того, чтобы толкаться влево. Цоб не выдержал, мотнул башкой и зацепил рогами на Дмитро телогрейку. Дмитро хотел его кулаком по морде, а Цоб развернулся и, чуть Цобэ с ног не свалив, пошел брать Дмитро на таран. Дмитро прыгнул в сторону, как кенгуру. Цоб хотел и дальше за ним гнаться, но тут его осилил Цобэ, и вся упряжка наша пошла направо. Волы двуколкой чей-то плетень зацепили и частично его свалили, причем свалили с треском, и треска этого сами же испугались, вовсе озверели и понеслись.

Мне повезло: я был среди тех, кто за борт вылетел сразу. Но другие еще держались. А волы бежали по хутору не хуже самых резвых лошадей. Бежали, шаркаясь то вправо, то влево. При этом снесли угол школьной закладки, растоптали попавшего под ноги индюка, потом повернули и устремились прямо к колхозной конторе. Бухгалтер по фамилии Рыба, как раз вышедший на крыльцо, кинулся обратно и захлопнул за собой дверь. Но испугался он зря: у самого крыльца волы крутанули вправо, перевернули брошенную посреди дороги сенокосилку, протаскивали ее немного за собой, выскочили в степь и понеслись по ней зигзагами, разбрасывая в разные стороны пассажира. Когда двуколка перевернулась, в ней уже никого, к счастью, не было. Волы, подняв тучу пыли, дотащили двуколку до скирды, в которую с ходу уперлись, и, не понимая, как развернуться, стали бодать солому рогами.

Тарас и Дмитро собрали раненых и ушибленных, а потом осторожно приблизились к волам. Те все еще проявляли признаки агрессивности, но наши переростки были переростки деревенские. Они в арифметике и грамматике разбирались не очень, но с животными управляться умели. Кое-как Цоба и Цобэ перепрягли – и, удивительное дело, те опять стали теми, кем и были до того: безропотной и покорной скотиной. Мы заняли свои места в двуколке, Тарас стукнул палкой Цоба и сказал ему: «Цоб!», а затем стукнул палкой Цобэ и сказал: «Цобэ!». Волы поняли, что порядок восстановлен, каждый на своем месте, каждый при своем имени, и пошли вперед, натягивая свои натертые шеи и мерно перебирая ногами.

Продолжение следует

31

№46
(1684)

18
марта
2005

РОМАН И ГАЗЕТА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Войнович Войнович
28.03.05